

28. Государственный архив общественных объединений Могилевской области. – Фонд 6575. – Оп. 1. – Д. 375.
29. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 3631.
30. Рабочий (Ежедневная газета. Издание ЦК КП(б)Б). – 1929. – 27 ноября
31. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 8. – Д. 16. – Ч. I.

Victor Pichukov. «If the war begins tomorrow...»: military and defensive socio-political campaign in the Byelorussian SSR in the 1920s.

The socio-political campaigns of military and defense purposes, held in the Byelorussian SSR in the 1920s, are considered. Their importance for the Sovietization of the population is indicated. Their specificity among the Polish, Jewish, Latvian and Lithuanian population is noted.

УДК 94 (476.25) “18/19”

И. А. ГРИЩЕНКО, С. А. ЮРИС

(Гомель, УО «Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого»)

**СОПРОТИВЛЕНИЕ АНТИЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКЕ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1920–1930 ГОДЫ
(НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬЩИНЫ)**

В статье дана характеристика основным направлениям антицерковной политики советской власти в 1920-1930 гг. Опираясь на архивный материал по Гомельской области, авторы показали реакцию рабоче-крестьянской среды на политику большевиков в отношении церкви. Проанализированы результаты противостояния верующих и атеистического государства.

Антирелигиозная тема для большевиков, как и для классиков марксизма-ленинизма, станет центральной, так как построение нового социалистического общества приобретет для них своеобразный религиозный характер. Реалии советской жизни 20-х – начала 30-х годов позволят сделать такой вывод даже рабочим и колхозникам во время собраний, решающих судьбу очередного храма. Так, на фабрике «Красный Октябрь» г. Гомеля рабочие резко отреагировали на антирелигиозную пропаганду и призыв закрыть церковь: «А разве теперь не верят, вот же утвердились в Ленине и Сталине. Это тоже своего рода религия. Теперь на каждом шагу услышишь – Ленин

сказал, Сталин сказал. Об изъятии церковей рабочих нечего спрашивать, надо спросить верующих, что они скажут» [1, л. 13].

Антицерковный характер политики большевиков проявился в первых же законопроектах 1917–1918 гг. В соответствии с ними церковь лишалась прав юридического лица, ликвидировались духовные учебные заведения, государство не признавало церковный брак. Итогом стал декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (23 января 1918 г.). Несмотря на провозглашенную свободу совести, церковь была выведена за пределы общественной жизни.

Методы и формы борьбы с религией и церковью, предлагаемые вождем пролетариата, были весьма противоречивы. С одной стороны, В. И. Ленин призывал сражаться с попами идейным оружием, т.е. просветительно-пропагандистскими методами, не оскорбляя чувств верующих. С другой стороны, В. И. Ленин инициировал разграбление церковного имущества и репрессии в отношении духовенства. Репрессивные действия и факты глумления над святынями приходили в противоречие с советским законодательством. Принцип отделения Церкви от государства нарушался грубым вмешательством советских властей во внутреннюю жизнь Церкви.

Непоследовательность действий большевиков в отношении церкви в первые годы советской власти прослеживается по партийным циркулярам и сводкам ГПУ на примере Гомеля. «Закрытие церковей в деревне должно проводиться в административном порядке без нарушений законности. Нельзя создавать ореол мученичества вокруг религии и ее служителей. В то же время целесообразно усилить и развернуть агитацию за передачу церковных помещений под школы и иные культурные учреждения, за снятие части колоколов для тех или иных нужд». Циркуляр призывал партработников проявлять в работе с верующими такт, терпение и опираться на мнение большинства, которое (мнение) необходимо формировать в нужном партии направлении [2, с. 46, 54]. Циркуляр ЦК по вопросам антирелигиозной агитации в отношении средств предупреждает, что «нарочито грубые приемы вместо серьезного анализа и разъяснения не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков» [2, л. 67]. Уничтожение икон – «священная» обязанность коммуниста и комсомольца и начинать нужно с собственного жилища, однако «сама же процедура снятия икон и тем более их уничтожение, сопровождающееся глумлением над святыней, вызывала у крестьян негативную реакцию» [3, л. 145].

Болезненно реагировали жители деревень на непочтительное отношение к предметам религиозного культа в процессе закрытия церкви (д. Новый Радин Комаринского р.), ломку и битье икон (с. Яново Ветковского р.), расстрел икон из охотничьих ружей (д. Дворище Хойницкий р.), что нередко вызывало эксцессы [4, л.116]. К началу 1930-х гг. власти категорически запрещают проводить так называемые антипасхальные карнавалы с «сожжением богов», вызывающие недовольство и приводящие к столкновениям с жителями деревень. Подчеркивается важность систематической работы, привлечение специалистов высокой квалификации, упор делать на научность подхода в критике религии [5, л. 22–22 об.]. Партийные инструкции и циркуляры рекомендуют антирелигиозную компанию доверить учителям, беспартийным и так умело поставить антирелигиозную, антицерковную работу, чтобы инициатива партии была незаметна [2, л. 55].

Активизация антирелигиозной работы приходилась на канун больших церковных праздников – Пасхи, Рождества, Благовещенья и др. Как правило, на эти дни составлялись планы проведения «комсомольской пасхи»: субботники накануне Пасхи (7.04. 1923), в пасхальное воскресенье (8. 04. 1923) проведение мероприятий в клубах («Вечера Коперника», спектакли, концерты, танцы) [3, л. 56, 75, 84]. Все это вызывало раздражение у рабочих, которые, кроме нежелания работать сверхурочно, хотели встретить Пасху в церкви.

В сводках ГПУ отмечается крайне неудовлетворительная работа в области антирелигиозной агитации на гомельских предприятиях «Красный Мельник», «Красный Химик», «Везувий», «Гомсельмаш», «Красный Октябрь». На фабрике «Везувий» большой процент рабочих составляют бывшие крестьяне, чем советские органы объясняли их религиозность. Так на Благовещенье 1930 г. каменщики и плотники массово не вышли на работу (150 человек). Рабочие кирпичного завода на антирелигиозную агитацию отвечают: «все эти антирелигиозные демонстрации и доклады не нужны, стариков не сагитируешь, пусть каждый поступает как хочет в деле веры»; «мы должны праздновать наш праздник (Пасху). За границей же все празднуют, в том числе и рабочие. У нас партийцев и комсомольцев меньше, чем беспартийных, поэтому как постановим, так и будет». На фабрике «Красный Октябрь» на беседу о вреде религии была резкая реакция со стороны рабочих: «Все же когда-то было лучше, а что теперь – соцсоревнования, а кушать нечего. Если придут ко мне за подписью о закрытии церкви, я не подпишусь». «Компартия потеряла доверие, озлобила крестьян, разорила их хозяйства, а нам рабочим не лучше, это

соцсоревнование вытягивает все соки, нет даже свободной минутки, а мы дурни работаем». 13 апреля 1930 г. собрание на антирелигиозную тему состоялось в 9-й железнодорожной школе. Присутствовали в основном жены железнодорожников. Собрание прошло особенно бурно. Рабочие возмущались закрытием церкви: «если церкви закрываются, то закройте тогда школы и синагоги». Железнодорожный рабочий выступил с заявлением: «Теперь молиться можно, и церкви, помимо желаний верующих, не могут быть изъяты». Работник почтово-телеграфной конторы заявил, что хоть и приходится работать в пасхальные дни, но дома все равно будет чувствоваться праздник: «Если бы мне пришлось работать первый день пасхи и платили бы по 4 рубля сверх жалованья, я бы не согласился, а на 1 мая с удовольствием бы поработал и имел бы лишнюю троячку». «Кто надумал праздновать, все равно на работу не выйдут. Возьмите коллективизацию, Сталин пишет, чтобы колхозы создавались на добровольных началах, здесь так же надо решать». «В первый день пасхи я никогда не работал и в дальнейшем не буду работать. Я воспитан в таком духе и меня теперь никто не сагитирует, чтобы я от этого отказался, хотя нас мало, но мы еще веруем». «Все заставляют делать силой. От праздников заставляют отказываться, детей заставляют приносить из дома иконы, чтобы их уничтожить, а иначе увольняют из школы. Если я схожу в церковь, то этим никому вреда не принесу. Попы никакого подрыва в рабочих не делают, а подрывы делают руководители, которые смотрят не там, где надо». «Не вышел на работу, потому что у меня пасха, и я хожу в церковь и в дальнейшем буду посещать, я родился христианином и умру им» [1, л. 11–14, 35–38]. В результате в первый день пасхи 1930 г. не вышло на работу 60% всего состава рабочих. Как отмечается в отчетах ГПУ под поповским влиянием оказались не только беспартийные, но и рабочие члены партии. Посещаемость церкви на пасху в 1930 г. значительно выросла по сравнению с прошлым годом. О том, чтобы пойти в клуб на танцы рабочие говорили, что танцы в клубах бывают часто, а такая служба раз в году, так лучше пойдем в церковь [1, л. 30-31]. Возмущения рабочих порой приобретали откровенно антисоветских характер: «На даром за границей говорят о преследовании религии в России»; «Я бы дал 4 тысячи рублей, чтобы вернуть старые порядки» [1, л. 268].

Советское руководство в рамках антицерковной политики попыталось использовать реформаторский потенциал самой Церкви. Часть духовенства была нацелена на радикальную реорганизацию внутрицерковной жизни, что нашло свое выражение в обновленческом движении. Для большевистского руководства обновленчество – способ

дискредитировать Церковь в глазах верующих, расколоть ее и уничтожить. Сотрудничество с так называемыми «новыми церковниками» - тактический ход, а не программная позиция. Циркуляр Гомельского губернского комитета РКП(б) в отношении обновленчества отмечает, что покровительствовать «новой церкви» власть не собирается, несмотря на то, что она перестала быть контрреволюционной и осудила патриарха, назвав себя «Живой Церковью», однако «все равно является носителем религиозного дурмана» [2, л. 55].

Заинтересованность советской власти в успехе обновленчества объяснялась так же желанием создать себе определенный имидж на Западе, как власти толерантной, демократичной, гуманной. Поэтому, комментируя арест патриарха Тихона, власти настаивали на правильной оценке своей политики со стороны обновленческого собора: «Мы осудили Тихона не как патриарха, не как священника, а как политического преступника, контрреволюционера, как врага рабоче-крестьянской власти. Решение собора должно показать, что все обвинения по нашему адресу в том, что мы притесняем религию, преследуем духовенство есть сплошная клевета» [2, л. 55].

Гомельские священники с установлением советской власти в большинстве своем уйдут в обновленчество. Ситуацию исправит приезд в Гомель в качестве викарного епископа Могилевской епархии Тихона (Шарапова) (1886 - 1937). По приезде в Гомель 3 апреля 1925 г. он стал активно бороться с обновленческим расколом. В Москву от гомельских органов власти в ОГПУ поступило следующее секретное донесение: «...епископ Тихон своими действиями окончательно ликвидирует оставшиеся еще в Гомельской губернии обновленческие приходы, каковых еще имеется до 25 по губернии. Так как в каждом обновленческом приходе есть некоторая часть мирян, стоящих за тихоновщину и стоит епископу Тихону появиться – через часа 2-3, он уже повел за собой остальных мирян, которые заставляют попа повиноваться епископу Тихону, в противном случае отлучают от церкви. В случае замедления ответа будем принуждены прибегнуть к аресту его...» [4, с. 59]. Епископ Тихон пробыл в Гомельской епархии недолго, в 1925 г. он был арестован и доставлен в Москву. Пройдя череду ссылок, лагерей и арестов в сане архиепископа Алма-Атинского владыка Тихон (Шарапов) будет расстрелян в 1937 г. [6, с. 278].

Непростая ситуация сложилась в связи с «Декларацией 1927 года» митрополита Сергия (Страгородского). Часть священнослужителей, монашествующих, мирян уйдет в оппозицию, не приняв идею

сотрудничества церкви с безбожной властью (движение «непоминающих», «иосифлян»). На Гомельщине «правая» оппозиция будет иметь довольно широкое распространение. Среди иосифлян окажется о. Павел Левашев – духовник Гомельского епархиального округа, который с иеромонахом Герасимом (Каешко) вышли в июне 1928 г. из подчинения Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). Однако, сохраняя каноническое подчинение Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому) (1862-1937) представители «правой» церковной оппозиции не порвали окончательно с патриаршей церковью. «Непоминающие» отказывались от богослужебного поминовения гражданской власти и имени Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

На Гомельщине иосифлянское движение охватило Гомельский, Ветковский, Чечерский, Уваровичский, Буда-Кошелевский и Тереховский районы. Иосифлян поддержали священник Елисей Назаренко и диакон Антоний Прищепов (с. Песочная Буда Тереховского района), священник Феодор Рафанович (с. Шерстин Ветковского района), гомельский диакон Антипа Злотников, иеромонах Антоний (Монин) (с. Меркуловичи Рогачевского района), священник Феодор Семенов (м. Уваровичи), священник Иоасаф Яценко (с. Поповка Тереховского района), священник Василий Чепков (с. Еремино Гомельского района), иеромонах Валентин (Богданов) (с. Дубовки Тереховского района). В 1929 г. число «непоминающих» священнослужителей пополнили бывшие клирики Гомельской обновленческой епархии иеромонах Зосима (Павлов) и иеродиакон Иероним (Андрейко), принесшие покаяние в грехе раскола и получившие назначение на приходское служение в с. Новоселки и д. Кунторовка Ветковского района. Несколько месяцев хватило иеромонаху Анатолию (Иваненко), чтобы основать пять новых «непоминающих» общин в различных населенных пунктах Чечерского района. Иеромонах Феоктист (Ганжа) основал иосифлянскую общину в с. Речки и д. Хизова Гута Ветковского района Гомельского округа [7, с. 145-146].

К непоминающим примкнули многие монашествующие (насельницы Ченковского Свято-Успенского монастыря Гомельского района, Буйничского Свято-Духова монастыря Могилевской епархии). Единодушия в монашеской среде относительно «Декларации 1927 г.» не было. Бывшие насельницы Чонковской обители уже в 1928 г. были разделены на группы «левашевцев» и «сергиевцев».

В результате первой волны репрессий в отношении «правой» церковной оппозиции (1930–1932 гг.) на территории Гомельского епархиального округа священники, монашествующие и миряне будут приговорены к разным срокам ИТЛ (около 40 человек), а иеромонах Герасим (Каешко) расстрелян [7, с. 148].

В сложившихся условиях «непоминающие» вынуждены были перейти на нелегальное положение. В 1933–1934 гг. из заключения и ссылки вернулись на Гомельщину отбывшие наказание или освобожденные по болезни протоиерей Павел Левашев, священники Елисей Назаренко, Антипа Злотников, Василий Чепков, которые свое служение осуществляли конспиративно. Одним из центров «иосифлянской» общины стал храм Рождества Богородицы в с. Урицкое.

В июле-августе 1937 г. Гомельский отдел НКВД провел серию арестов православных священнослужителей и мирян общим числом 57 человек, выдвинув им обвинение в причастности к «гомельской контрреволюционной организации церковников», во главе которой якобы стоял протоиерей Павел Левашев. Решением заседания Особой Тройки НКВД БССР были приговорены к расстрелу все гомельские священники (как «иосифляне», так и «сергиане»), активные миряне (среди них староста церкви с. Урицкое Е. Ф. Лелехова) Приговор был приведен в исполнение 1 ноября 1937 г. Диакон Исаак Ганжин, шесть монахинь, одна послушница и четыре мирянина, были приговорены к 10 годам ИТЛ. В мае 1938 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности и шпионаже был арестован проживавший в с. Бобовичи Гомельского района священник Василий Чепков. Постановлением Особой Тройки НКВД БССР от 21.09.1938 приговорен к высшей мере наказания [7, с. 148].

К началу 1941 г. на территории Гомельской области не осталось ни одного действующего храма и ни одного официально зарегистрированного православного священнослужителя. Однако церковная жизнь сохранялась на уровне приходской общины в условиях подпольного существования.

Список использованных источников и литературы

1. Отчеты ГПУ о коллективизации, индустриализации, настроениях рабочих Гомеля 1930 г. // Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО). – Фонд 3. – Оп.1. – Д.714. – Т. 2.
2. Циркуляры губкома укомам и райкомам Гомельской РКП // ГАООГО. – Фонд 2.– Оп. 1. – Д. 338.

3. Резолюции и циркуляры ЦК и губкома по вопросам антирелигиозной агитации. // ГАООГО. – Фонд 2. – Оп. 1. – Д. 514.
4. Отчеты ГПУ о коллективизации, индустриализации, настроении рабочих Гомеля. 1930. // ГАООГО. – Фонд 3. – Оп. 1. – Д. 714. – Т. 2.
5. Переписка агитпропа Гомельского укома РКП с волкомами по вопросу агитработы. // ГАООГО. – Фонд 2. – Оп. 1. – Д. 489.
6. Косик, О.В. Голоса из России : Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов) / О.В. Косик. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2011. – 280 с.
7. Слесарев А.В. История «правой» церковной оппозиции («иосифлянства») на Гомельщине в 1928-1941 гг. // Труды Минской духовной академии. – 2014. – № 11. – С. 140–149.

Irina Grishchenko, Sergey Juris. Resistance to anti-church policy of the soviet government in the 1920-1930s for example of Gomel region

The article presents the characteristics of the main directions of anti-church policy of the Soviet power in the 1920-1930s. Base on archival material in the Gomel region, the authors showed the reaction of worker-peasant medium on Bolshevik policy against the church. The analysis results of the confrontation of believers and atheist state.

УДК 94(476)

А. Ю. БОДАК, Е. А. БОДАК

(Брест, УО «Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина»)

**ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В ГАНЦЕВИЧСКОМ РАЙОНЕ ПИНСКОЙ ОБЛАСТИ
(ОКТАБРЬ 1939 ГОДА – МАРТ 1940 ГОДА)**

Статья посвящена началу процесса советизации западного Полесья после его воссоединения с БССР на примере Ганцевичского района Пинской области. Строительство основ новой жизни включило в себя такие важнейшие элементы как выборы в Народное собрание Западной Беларуси, создание советской административной структуры в виде областей и районов, создание сельских советов. К числу издержек национально-государственного строительства в регионе можно отнести недоверие новой власти к бывшим членам КПЗБ и изоляцию большей части из них от политической жизни, недоверие к польскому населению региона, репрессии против людей, несогласных с новой властью. Процесс государственного